

УДК 323.2

ББК 60.5

© Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А.

Предпосылки трансформации установок политического недовольства в протестное поведение населения (на материалах ИСЭРТ РАН г. Вологды)

**Дмитрий Владимирович
АФАНАСЬЕВ**

кандидат социологических наук, доцент,
ректор Череповецкого государственного университета
chsu@chsu.ru

**Татьяна Анатольевна
ГУЖАВИНА**

кандидат философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ИСЭРТ РАН
Labch1@mail.ru

В работе рассматривается недостаточно изученная в отечественной научной литературе проблема трансформации политического недовольства в протестное поведение; анализируются процессы и факторы, способствующие этому. Используются эмпирические данные мониторинга общественного мнения жителей Вологодской области, проведенного Институтом социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Представлена новая интегральная модель протеста.

Политическое недовольство, доверие, потенциал протеста, протест, репертуар протеста, модель участия в протесте.

Исследование протестного поведения является сложившейся и хорошо разработанной областью политической социологии. Вместе с тем ряд теоретических аспектов до сих пор не нашли своего общепри-

знанного решения. Наше понимание того, почему люди участвуют в акциях протеста, также еще далеко от полноты. Почему именно данное недовольство приводит к мобилизации, а не другое? Или почему та

же проблема в одном регионе страны приводит к мобилизации, в то время как другие регионы по-прежнему спокойны? Эти вопросы относятся к острому, но слабо представленному в литературе вопросу: процессам, посредством которых в обществе запрос на протест вовлекает факторы, превращающие готовность индивида участвовать в протесте, в фактическое участие. Данная статья, опираясь на эмпирические данные, полученные в ходе многолетних мониторинговых исследований ИСЭРТ РАН (г. Вологда) в Вологодской области, пытается проиллюстрировать имеющиеся проблемы и предложить для их решения комбинацию нескольких теоретических концепций.

Классические определения политического протеста описывают его как форму или способ политического участия индивида. На социетальном уровне, говоря о политическом протесте, мы указываем на коллективное действие, которое пытается изменить отдельное политическое решение, государственную политику или общие отношения между гражданами и государством (политический режим). Таким образом, мы исходим из трактовки политического протеста как совокупности политических практик, осуществляемых индивидуальными или коллективными субъектами в институционализированной или неинституционализированной формах выражения несогласия по отношению к функционирующим политическим субъектам и системам. При изучении участия граждан в политическом протесте мы пытаемся ответить на вопрос: «Что составляет истоки и цели протеста?» и рассматриваем следующие основные проблемы. Почему люди протестуют? Является ли их целью трансформация системы, изменение правил политической игры или изменение конкретного политического курса? В каких формах проявляется их протестное поведение?

Традиционно широкой рамкой для анализа протеста принимается концепция А. Хиршмана, описывающая три возможных способа поведенческой реакции индивида на ситуацию, в которой он находится — лояльность, если ситуация индивида в основном или полностью устраивает, а если ситуация представляется нетерпимой — «голос» (протест) или «уход» (например, эмиграция) [7]. Французский социолог Ги Бажуа добавил четвертый вид возможной поведенческой реакции — апатию, при которой индивид, недовольный текущей ситуацией, не предпринимает никаких действий, чтобы либо изменить текущую ситуацию, либо перейти в другую ситуацию [9].

И если протест («голос») относится к реальному поведению или активному формулированию и выражению несогласия и критики, то недовольство — это более широкое понятие, поскольку захватывает установку индивида, относящуюся к уровню его (не)удовлетворенности в рамках соответствующей политической системы. В этом смысле типология форм протеста, предложенная еще в 1990 г. Г.И. Вайнштейном [2, с. 25], который выделил протест-действие (то, что осуществляется или осуществлено как действие) и протест-настроение (то, что возможно реализуется как действие), подводя различные феномены (установку и поведение) под одно понятие протеста, затрудняет понимание процесса перехода установки в поведение.

Очевидно, такое автоматическое соотнесение двух концепций не случайно, ведь оно ведет к постулированию, что установка недовольства приводит к фактическому выражению несогласия и потому к протесту. Вместе с тем широкий эмпирический материал, относящийся к описанию уровня недовольства, не позволяет нам делать такое утверждение без существенных оговорок, которые ставят такую жесткую и линейную связь под сомнение.

Недовольство, готовность к протесту и реальный протест

Популярным инструментом интегральной оценки социального самочувствия граждан России является Индекс социальных настроений (ИСН)¹. Этот комплексный показатель конструируется как единый вектор взаимосвязанных политических, экономических, общественных оценок и мнений людей. ИСН может быть интерпретирован как интегрированный показатель уровня удовлетворенности/недовольства населения различными аспектами экономической и социально-политической реальности, который определенным образом отражается на реальном политическом и экономическом поведении населения.

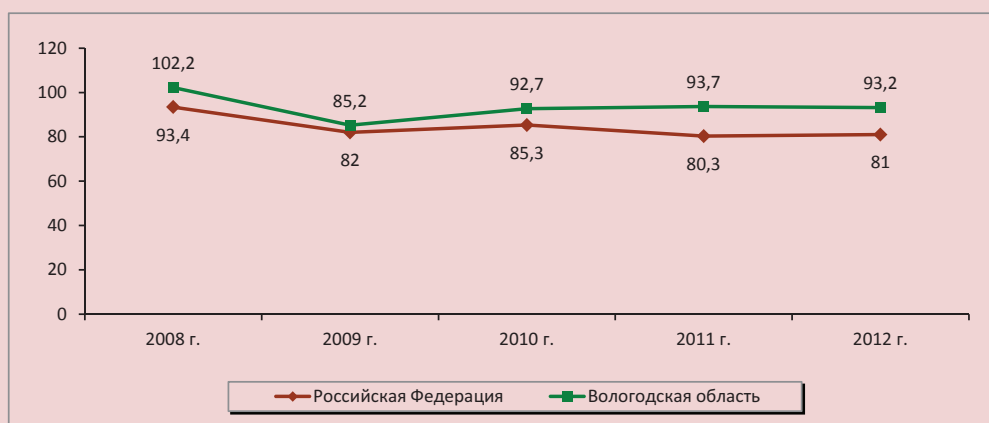
Сравнивая имеющиеся данные ВЦИОМа, а также результаты регионального мониторинга, проводимого ИСЭРТ РАН по сопоставимым методикам, мы получаем схожие тенденции. Имеющиеся данные свидетельствуют о значительном падении ИСН за период с 2008 по 2013 г. (рис. 1).

Заметны последствия кризиса, который задел практически всех жителей России. Вологодская область пострадала от кризиса в несколько большей степени, чем многие другие регионы и Россия в целом. Это связано с тем, что решающая часть налоговых поступлений в бюджет региона обеспечивалась предприятиями металлургической промышленности, испытавшей значительный спад производства и не восстановившей до сих пор докризисного уровня [4].

Вместе с тем очевидное ухудшение социального самочувствия, выраженное недовольство не ведет автоматически к росту протестного потенциала населения – готовности участвовать в политических акциях.

Протестные настроения конца 1990-х годов носили более радикальный характер, и они в большей степени ориентированы на насильственные формы. За прошедшие годы склонность к таким видам, как выход на баррикады, участие в забастовках и других аналогичных акциях, снизилась в 3–5

Рисунок 1. Динамика индекса социального настроения в Российской Федерации и в Вологодской области*, пунктов

* Данные по РФ – ВЦИОМ; данные по Вологодской области – ИСЭРТ РАН по методике ВЦИОМ.

¹ Изучение ИСН на территории Вологодской области осуществляется в рамках мониторинга общественных настроений начиная с 1998 года. Опросы проводятся 6 раз в год, выборка составляет 1500 респондентов гг. Вологде и Череповце и 8 районах области. Выборка репрезентативная, квотная. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

Таблица 1. Динамика потенциала протеста*, в % от числа опрошенных

Вариант ответа	1998–1999 гг.	2007 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г., июнь
Потенциал протеста	37,3	20,6	19,9	20,2	16,5
Выйду на митинг, демонстрацию	9,4	9,6	10,9	10,3	9,3
Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	12,7	5,7	4,7	5,7	3,9
Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады	15,3	5,3	4,3	4,2	3,3

* Авторы статьи «Основные тенденции протестных настроений в Вологодской области» К.А. Гулин и И.Н. Дементьева определяют потенциал протеста (протестную группу) как долю респондентов, отвечающих на вопрос «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» следующим образом: «Выйду на митинг, демонстрацию»; «Буду участвовать в забастовках, акциях протеста»; «Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады», то есть «протестную группу» составляют люди, отличающиеся определенным эмоциональным настроением, необязательно тождественным активному социальному поведению, но допускающие возможность своего участия в протестных выступлениях подобным способом. См.: Социологические исследования. – 2008. – №11. – Ноябрь. – С. 64-71.
Источник: Данные мониторинга ИСЭРТ РАН.

раз (табл. 1). Жители области явно демонстрируют склонность к ненасильственным формам выражения своего несогласия с политикой властей. В целом потенциал протеста в 2013 г. в регионе более чем в два раза ниже по сравнению с периодом 1998–1999 гг.

Имеет смысл указать на разрыв между явным ростом недовольства, выраженным в падении ИСН после кризиса, и практическим отсутствием динамики протестного потенциала в до- и послекризисный период. Динамика же фактических протестных акций населения области вообще никак не соотносится ни с динамикой недовольства, ни с динамикой протестных настроений. Она скорее говорит о лояльном и апатичном политическом поведении. Это ставит нас перед очевидной исследовательской проблемой: как же связаны политическое недовольство, заявляемая вербально готовность к участию в акциях протеста и уровень реального протеста?

Имеющаяся теоретическая модель, связанная с концепцией недовольства, отличается от моделей протеста, также представленных в литературе. Если протест как поведение может быть рассмотрен в русле работ о политическом участии, то недовольство, как установка, может быть столь же хорошо увязано с концепцией политического отчуждения [13].

А. Миллер определяет недовольство как чувство бессилия и отсутствия норм (две компоненты отчуждения), которое схватывается установкой отсутствия доверия власти, враждебности по отношению к лидерам, институтам и власти в широком смысле или ощущением, что власть не работает для граждан [12, р. 951]. В этом русле исследований традиционно выделяются два аспекта в недовольстве, а измерения осуществляются при помощи концептов политической эффективности (бессилия) и политического (не)доверия или цинизма (отсутствия норм).

В литературе предлагаются также объяснения недовольства. С одной стороны, некоторые исследования подчеркивают связь между базовыми характеристиками (которые выступают как ресурс индивида), такими как возраст, доход, образование, групповая идентификация, и уровнем политической (не)эффективности, при этом более высокий уровень ресурсов связан с более высоким уровнем политической эффективности.

Данные мониторинга населения Вологодской области позволяют подтвердить наличие такой связи (табл. 2).

Кроме того, эти данные позволяют выявить основные характеристики той части населения, которая является носителем протестных настроений.

Таблица 2. Доля лиц с негативными оценками в группах потенциала протеста и среди остальной части населения, %

Потенциал протеста	Остальные	Потенциал протеста	Остальные	Потенциал протеста	Остальные	Потенциал протеста	Остальные	Потенциал протеста	Остальные	Потенциал протеста	Остальные	Потенциал протеста	Остальные
2007	2007	2008	2008	2009	2009	2010	2010	2011	2011	2012	2012	10 мес. 13	10 мес. 13
<i>Доля населения, негативно оценивающего экономическое положение страны</i>													
24,4	12,6	29,2	15,4	50,6	38,5	52,4	26,7	52,8	22,5	45,8	20,4	49,8	24,7
<i>Доля населения, негативно оценивающего экономическое положение области</i>													
24,3	11,6	27,4	15,2	52,3	40,3	55,7	28,7	54,9	24,1	50,8	24,0	59,0	31,2
<i>Доля населения, негативно оценивающего материальное положение семьи</i>													
35,5	18,8	39,7	20,1	47,4	28,6	50,5	28,5	51,0	24,5	48,9	21,9	53,1	22,7
<i>Доля населения с низкой покупательной способностью (денег хватает в лучшем случае на еду)</i>													
40,1	35,1	36,6	29,0	45,0	38,9	48,0	32,7	50,4	29,8	45,7	29,1	52,5	27,6
<i>Доля населения, не одобряющего деятельность Президента РФ</i>													
21,5	8,9	19,3	8,2	33,1	12,9	43,2	12,8	67,5	15,2	63,2	24,9	67,5	21,5
<i>Доля населения, не одобряющего деятельность губернатора</i>													
34,5	19,0	35,2	17,6	41,0	20,9	53,6	20,8	72,8	20,1	63,6	25,7	69,7	25,0
<i>Доля населения с негативной оценкой настроения</i>													
42,8	24,6	39,6	23,7	48,3	24,7	53,8	27,7	52,2	23,2	47,6	21,9	50,7	21,4
Источник: данные мониторинга ИСЭРТ РАН за 2007–2013 гг.													

В этой группе находятся, в частности, люди с низкой оценкой покупательной способности своих доходов («денег хватает только на еду»), с низкой оценкой материального положения своей семьи и, что понятно, с негативной оценкой своего настроения («испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску»).

Но большая часть теоретической литературы фокусируется на последствиях политического недовольства для участия. Она основывается на предположении У. Гэмсона («гипотезе Гэмсона») о том, что участие лучше всего объясняется сочетанием **доверия** и **эффективности** (ощущения, что активное действие и возможно, и результативно). Автор утверждает, что среди тех, кто имеет сильное чувство политической эффективности, недоверчивые чаще склонны участвовать, чем доверяющие: «Более конкретно, комбинация высокого чувства политической эффективности и низкого политического дове-

рия является оптимальным сочетанием для мобилизации – убеждение, что влияние и возможно, и необходимо» [12, р. 48]. Основная идея состоит в том, что граждане с низким чувством политической эффективности не будут участвовать в протесте независимо от уровня их доверия, потому что они думают, что их участие не будет иметь никакого эффекта. Среди тех, у кого есть высокое чувство политической эффективности, наиболее доверяющие будут участвовать реже, потому что они уже удовлетворены системой без всякого политического участия. Таким образом, протестное участие должно быть выше у тех, кто сочетает низкий уровень доверия с высоким уровнем чувства политической эффективности.

Концепция политической эффективности вызвала много дискуссий в литературе. Она была впервые выдвинута Э. Кэмпбеллом и др. в книге «Избиратель принимает решение» [14] и была использована,

чтобы объяснить широкое разнообразие способов или модусов политического участия. Для измерения политической эффективности в основном используются четыре пункта опроса, которые разработали Э. Кэмпбелл, Г. Олмонд и С. Верба в исследовательском центре Research Centre Survey (США) в 1964–1965 гг. Однако надежность показателя оказалась небесспорной. После нескольких эмпирических проверок концепция была уточнена выделением двух отдельных аспектов: субъективной компетентности (внутренняя эффективность), с одной стороны, и способности власти реагировать на ожидания и запросы людей («governmental responsiveness») или внешняя эффективность – с другой. Внутренняя эффективность обозначает ощущение человека, что он способен понимать политику и достаточно компетентен, чтобы участвовать в политических действиях, тогда как внешняя эффективность означает убеждение в отзывчивости властей и институтов к требованиям граждан. Это понятие было операционализировано в различных зарубежных исследованиях, но российским исследователям, на наш взгляд, еще только предстоит развести различные аспекты эффективности и доверия, разработать и опробовать пункты, которые могут быть использованы для измерения внутренней и внешней эффективности, а также диффузной и специфической поддержки. Мы считаем, что в российских эмпирических исследованиях, направленных на описание и объяснение политического протеста, пока игнорируются ключевые компоненты, необходимые для оценки вероятности перерастания установок недовольства в протестное поведение, в частности компоненты внешней и внутренней эффективности.

Операционализация концепции политического доверия тоже еще далека от совершенства.

По А. Миллеру, политическое доверие – это «базовая оценочная или аффективная ориентация по отношению к власти» [12, р. 952]. В работе У. Гэмсона доверие понимается как диффузная поддержка системы в соответствии с широко известной классификацией типов поддержки Дэвида Истона [10, р. 437]. Диффузная поддержка (политическое доверие) подразумевает поддержку институтов, в отличие от специфической поддержки, которая соотносится с поддержкой конкретных лиц. Специфическая поддержка подразумевает утилитарные отношения между гражданами и властью, в то время как диффузная поддержка будет более стабильной в течение долгого времени.

Данные мониторинга позволяют проанализировать этот компонент протестного синдрома у жителей Вологодской области.

Очевидно, что наибольшей поддержкой пользуются те структуры, как на федерального, так и регионального уровня, в руках которых реальная власть и материальные ресурсы. Самый низкий уровень доверия со стороны населения области имеют общественные организации и политические партии (табл. 3).

Падение уровня социального доверия можно наблюдать и к государственным, и к общественным структурам, что свидетельствует о наличии деформационных процессов, которые затронули сферу политической жизни. Вологжане не верят в возможность повлиять на деятельность органов власти, а тем самым изменить что-либо в своей жизни к лучшему. Высокий уровень доверия в обществе проявляется только к Президенту, вместе с тем налицо тенденция размывания и этого оплота политического доверия. Наиболее опасно это для региональной власти, поскольку она в этом случае теряет механизмы поддержки, необходимые для осуществления экономической и социальной политики, для обеспечения социальной стабильности в регионе.

Таблица 3. Определите, пожалуйста, своё отношение к действующим в стране общественным структурам и институтам власти (вариант ответа: «доверяю»), % от числа опрошенных*

Вариант ответа	Вологодская область			Российская Федерация		
	2008 г.	2012 г.	2012 г. +/- к 2008 г.	2008 г.	2012 г.	2012 г. +/- к 2008 г.
Президент	65,2	45,7	-19	62,3	49,0	-13
Церковь	51,9	41,4	-11	47,0	53,5	+7
Правительство РФ	60,2	39,6	-20	41,0	36,0	-5
Суд	41,3	36,1	-5	11,7	15,5	+4
Руководство области	48,6	34,6	-14	-	-	-
Прокуратура	40,9	33,9	-7	11,7	15,5	+4
ФСБ	43,8	33,2	-11	-	-	-
Совет Федерации РФ	47,6	32,3	-16	22,7	25,5	+3
Армия	37,8	31,3	-7	43,7	47,5	+4
Государственная Дума	42,0	30,5	-11	17,0	20,0	+3

* В порядке убывания по результатам 2012 г.

Источник: данные ИСПИ РАН (по Российской Федерации), см.: Как живёшь, Россия? [Электронный ресурс]: XXXVII этап социологического мониторинга, декабрь 2013 г. / В.К. Левашов, В.А. Афанасьев, О.П. Новоженина, И.С. Шушпанова; данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН (по Вологодской области).

Важным фактором, на котором базируется доверие, является экономическое благополучие. Экономически благополучные слои населения доверяют тем институтам, которые обеспечивают им это положение. Как показывают результаты анализа состава группы «доверяющих», она вбирает в себя экономически благополучных людей, уверенных в завтрашнем дне, самоидентифицирующих себя как богатых и обеспеченных людей, в основном среднего возраста, преимущественно мужчин, в основном руководителей и специалистов. Фактически эти признаки характеризуют ту социальную группу, которую называют средним классом. Именно средний класс принято считать той социальной силой, которая и формирует гражданское общество [1].

Что касается других слоев населения, теряющих доверие к властным структурам, то это прежде всего «новые бедные» [8]. Это люди, имеющие профессию, высшее или среднее образование, идентифицирующие себя как бедные и нищие, неуверенные в завтрашнем дне.

Помимо институционального (политического) доверия исследователи выдвигают в качестве важного для трансформации

недовольства и протестных настроений в реальный протест фактор обобщенного межличностного доверия. Ведь доверие к абстрактным системам не может заменить значимость для человека персонифицированного доверия, базирующегося на отношениях солидарности, симпатии, дружбы. Этот тип доверия становится для индивида альтернативным выходом в случае столкновения с «синдромом недоверия» (термин известного польского социолога П. Штомпки) к политическому режиму, экономической и общественной системе в целом и ориентирует его на традиционные общности.

Как показывают результаты опросов, около трети респондентов стабильны в своем убеждении, что никому нельзя доверять (табл. 4). И половина респондентов готовы доверять только близким друзьям и родственникам. Полученные данные говорят о сильной ориентации большинства населения области на общности ближайшего общения, и прежде всего на семью. Эти данные в полной мере стоит соотносить с результатами ответов на вопрос о готовности людей к объединению друг с другом по поводу защиты своих интересов (табл. 5 и 6).

Таблица 4. Кому Вы можете доверять?*, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Декабрь 2011	Февраль 2013 г.
В наше время никому нельзя доверять	24,7	27,9
Только самым близким друзьям и родственникам	56,7	52,5
Большинству знакомых мне людей можно доверять	16,1	15,2
Доверять нужно всем без исключения	2,5	1,6
* Вопрос задавался в декабре 2011 и в феврале 2013 г. Источник: данные мониторинга ИСЭРТ РАН.		

Таблица 5. Готовы ли Вы объединиться с другими людьми для каких-либо совместных действий для защиты общих интересов?*, % от числа опрошенных

Вариант ответа	2011 г.	2013 г.
Готов и скорее готов	25,2	19,9
Не готов и скорее не готов	25,2	37,1
Затрудняюсь ответить	27,7	37,1
* Вопрос задавался в декабре 2011 и феврале 2013 г. Источник: данные мониторинга ИСЭРТ РАН.		

Таблица 6. Как бы Вы оценили степень Вашего участия в общественной и политической жизни?, % от числа опрошенных

Вариант ответа	2011 г.	Февраль 2013 г.
Активное и скорее активное	27,1	23,0
Пассивное и скорее пассивное	48,3	49,8
Затрудняюсь ответить	24,6	27,2
Источник: данные мониторинга ИСЭРТ РАН.		

Неготовность объединяться, самоизоляция в закрытом мире семьи и друзей — это своего рода индикатор климата общественного недоверия, существующего в региональном сообществе. Дальнейшая деструкция социального капитала (иное понимание доверия), представляющего собой неформальное социальное отношение, основанное на выборе и добровольности, может привести к ослаблению или утрате социальной идентичности.

В рамках поля исследования протеста сети доверия являются наиболее вероятными каналами мобилизации индивидов в протестную деятельность. Очевидная фрагментация элементов данных сетей служит одной из причин неспособности установок недовольства перерасти в коллективное действие.

Вместе с тем следует указать на возникновение в регионе новых типов коммуникационных, а вслед за ними и организационных сетей. Они еще слабо распространены, но уже начинают играть роль новых каналов мобилизации на коллективные действия. Это социальные сети, базирующиеся на технологиях Интернет, прежде всего Facebook, Twitter и ВКонтакте, которые, как показывает мировой и российский опыт, довольно эффективно могут выполнять роль каналов вовлечения в протестную деятельность и трансляции организационных инноваций протеста, расширяя тем самым репертуар протестного движения, используемого различными гражданскими и политическими акторами. По определению американского социолога Чарльза Тилли, протестный репертуар представляет

собой широкий набор средств, используемых участниками для предъявления требований другой стороне [15; р. 18]. По мнению ученого, активизация репертуара находится в зависимости от организационных сетей, а также от обыденных, консервативных практик населения, которые позволяют протестующим обращаться к общему пониманию смыслов и символов, от воздействия режима, от опыта коллективных действий участников и, наконец, имеющихся в массовом сознании определенных критериев справедливости и представлений о собственных правах [15, р. 18]. Репертуар, как правило, вписывает социальное взаимодействие в устойчивые рамки, выступая одновременно как набор стратегий и культурное явление. Ч. Тилли рассматривал репертуары коллективного действия в долгосрочной перспективе, подчеркивая, что изменения в них происходят очень медленно. Он сделал такое утверждение незадолго до того, как социальные сети стали глобальными и массовыми, и, очевидно, недооценил ту скорость диффузии протестных инноваций, которую они делают возможной.

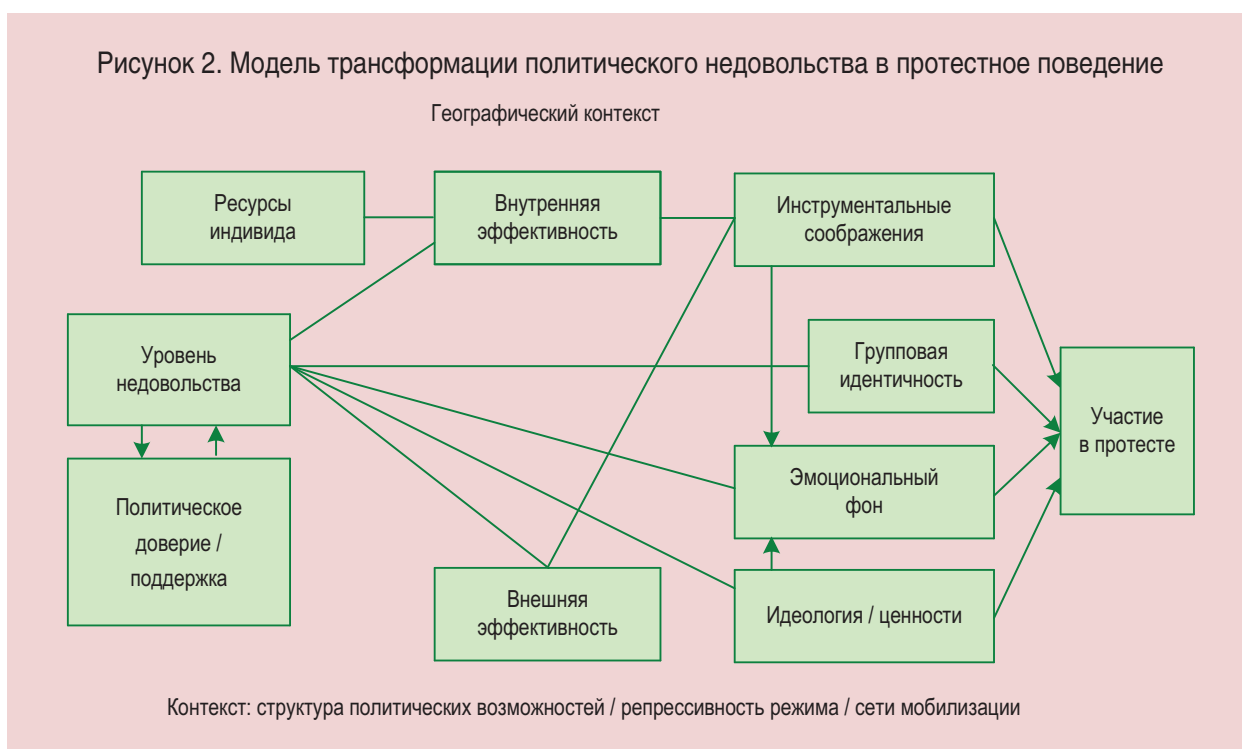
В период с декабря 2011 по осень 2012 года, в ходе «новой» протестной волны, инновационные альтернативные форматы протестного движения, ранее нехарактерные для России, оказались достаточно востребованы. Прежде всего, это флеш-мобы, привлекающие внимание общественности своей необычностью и внезапностью, автопробеги, «народные гуляния», «прогулки писателей и художников». Как отмечает российский социолог А. Зайцева, «многие активисты говорят о неэффективности этих рутинных (традиционных) форм, о том, что нужно постоянно изобретать новые способы привлечения внимания. Сегодня, если акция протеста не была заснята на видео, сфотографирована и немедленно выложена в Интернет, то ее и не было» [3].

Этой цели служит такая популярная международная форма политического протеста, как разбивка палаточного лагеря. Другим примером в России стала акция несистемной российской оппозиции — лагерь «Оккупай Аббай». Очень специфической формой протеста стали акции, проводимые в сети Интернет. Это DDOS и другие хакерские атаки, направленные на сайты политических и общественных организаций, Правительства РФ [6]. Проникновение новых технологий протеста в регионы находится на раннем этапе, однако скорость диффузии инноваций очень велика, и следует ожидать на новом этапе политического развития гораздо более широкого использования этого инструмента политической конфронтации и канала политической мобилизации.

Новые сети доверия отчасти позволяют надеяться на возможность преодоления тупика деструкции доверия и распада традиционных форм коллективности. Благодаря расширению репертуара протестных акций, на наш взгляд, создаются определенные возможности для ориентации характерного для современной России «мягкого авторитаризма» в сторону постепенной демократизации.

Вместе с тем новые технологии обладают и деструктивным потенциалом ввиду возможности их использования для распространения экстремистских антиконституционных взглядов, провокационных слухов, привлечения к насильственным действиям «в реале» и т.п.

Подведем осторожный итог. Несмотря на значительный массив эмпирических данных, относящихся к описанию и объяснению протестного поведения населения Вологодской области (да и всей России), можно предложить интегральную теоретическую модель, увязывающую различные факторы возникновения предпосылок протеста и трансформации этих предпосылок в протест (рис. 2).

В этой связи остаются актуальными в теоретическом и практическом плане вопросы: во-первых, каковы основания для формирования установки недовольства, а во-вторых, какие процессы и факторы приводят к тому, что социально-психологическая установка недовольства трансформируется в реальное протестное поведение (или другую поведенческую реакцию).

Логически мы можем предположить, что среди этих факторов должны быть и факторы социально-психологического порядка, и факторы социального и политического контекста.

К факторам субъективного, социально-психологического порядка относятся *инструментальные* расчеты и соображения, основанные на ощущаемой индивидами способности и возможности достичь целей, участвуя в протестных действиях (то, что описывается концепцией *внутренней и внешней эффективности и ресурсной модели участия*), фактор *групповой идентификации*, фактор *эмоций* (например, *гнева, солидарности, страха, гордости*), наконец, *идеологический* фактор.

Ряд исследователей добавляют к этой группе *политико-культурные* факторы, в частности специфическую систему ценностей, сложившуюся у населения региона. Роль данного фактора в формировании протестного поведения еще предстоит оценить.

Внешний контекст задается характером открытости или закрытости, «мягкости» или репрессивности режима (описываемый *теорией структуры политических возможностей*), наличием и эффективностью сетей (каналов) мобилизации на протестное политическое участие.

Значение имеет *географический контекст*: в мегаполисах, таких как Москва, Санкт-Петербург, где концентрация населения в несколько раз² превышает население некоторых российских регионов, где уровень жизни выше³, где сосредоточены

² Вологодская область, по данным Росстата, насчитывает 1198 тыс. чел. — URL: <http://vologdastat.ru/> (дата обращения: 01.11.2013).

³ Средняя зарплата в Вологодской области составляет 24 104 руб., в Москве — 53 953, в Санкт-Петербурге — 34 104 руб. — URL: <http://www.mojazarplata.ru/main/zarabotok/srednjaja-zarplata/2013> (дата обращения: 02.12.2013).

штаб-квартиры общественных организаций, правительство и парламент страны, социальное напряжение выплескивается наружу быстрее и ярче.

Политический контекст является результатом четырех факторов: это степень доступа к формальной политической структуре, стабильность/нестабильность политических группировок, доступность идеологической позиции потенциальных партнеров по альянсам и политические конфликты между элитами. Политическая возможность, очевидно, представляет собой сложный конструкт с несколькими аспектами, многие из них

специфичные для определенных типов режима. В целом политические возможности являются одновременно фактором ограничения для последовательного перерастания протестного потенциала в фактический протест.

Практической задачей является операционализация всех концептуальных элементов модели, что позволит разработать адекватный инструментарий политико-социологического исследования и осуществить эмпирическую проверку гипотез о взаимосвязи и влиянии факторов протестного поведения для разных социальных групп.

Литература

1. Балабанова, Е.Г. Средний класс как объект исследования российских социологов / Е.Г. Балабанова // Общественные науки и современность. — 2008. — №1. — С. 50-55.
2. Вайнштейн, Г.И. Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма / Г.И. Вайнштейн. — М.: Наука, 1990. — 167 с.
3. Зайцева, А. Спектаклярные формы протеста в современной России: между искусством и социальной терапией / А. Зайцева // Неприкосновенный запас. — 2010. — №4(72). — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/> (дата обращения: 25.11.13).
4. Морев, М.В. Методологические особенности изучения социальных настроений на региональном уровне / М.В. Морев, В.С. Каминский // Проблемы развития территорий. — 2013. — №5(67). — С. 96-103.
5. Наша Конституция: история интерпретаций и перспектива модернизации. — URL: http://www.politeia.ru/politeia_seminar/10/124 (дата обращения: 21.11.13).
6. Официальный сайт «Грани.ру». DDoS-атаки. — URL: <http://grani.ru> (дата обращения: 26.05.2013).
7. Хиршман, А.О. Выход, голос и верность. Реакция на упадок фирм, организаций и государств / А.О. Хиршман. — М.: Новое издательство, 2009. — 156 с.
8. Ярошенко, С. Новая «бедность» в России после социализма / С. Ярошенко // Laboratorium. — 2010. — №2. — URL: <http://www.soclabo.org> (дата обращения: 27.05.2010).
9. Vajoit, G. Exit, voice, loyalty... and apathy. Les réactions individuelles au mécontentement — 1988; n. 2; vol. 29, pp. 325-345.
10. Easton, D. (1975). A Re-Assessment of the Concept of Political Support // British Journal of Political Science, 5(04), pp. 435-457.
11. Gamson, W.A. Power and discontent. Homewood, IL: Dorsey Press, 1968.
12. Miller, A. Political Issues and Trust in Government: 1964—1970 // American Political Science Review 1974. V. 68 (September): pp. 951-972.
13. Olsen, M. Two Categories of Political Alienation // Social Forces, Vol. 47, No. 3 (Mar., 1969), pp. 288-299.
14. The Voter Decides. By A. Campbell, G. Gurin AND W.E. Miller. Evanston, Ill.: Row, Peterson and Co. 1954.
15. Tilly, C. Regimes and Repertories. The Univ. of Chicago Press, 2006.